

Ну, за империю!

Не за ту империю, которая подавляет чужие страны, завоёвывает их и воинственно диктует внешнему миру свои правила. И не за ту империю, которая неумело и бестолково расплзается по собственной территории, жёстко отделяя небольшое столичное пространство от остального, провинциального. Но за ту, которая есть большое и сильное государство, жизнь в котором делает честь или, по крайней мере, не вызывает стыда у его гражданина.

Вот за такую империю у нас борется... нет, не государство – строй у нас, как известно, демократический, – но, что уж точно, телевидение. Оно живёт словно в состоянии непрекращающегося застолья, во время которого рефреном звучит этот самый тост – ну, за империю! За золото гербов, за торжественный ритм маршей, за нарядность пейзажей и безмятежную уверенность интонаций. За масштабность проектов и успешность деяний. Вот так представляет себе имперский настрой телевидение. И даже если кое-где у нас порой обворовывают ветеранов, недоплачивают зарплаты и недолечивают людей, это – детали, без которых в империи жить нельзя было бы.

А вот можно, например, принять китайских детей в приморском лагере; дети будут там отдыхать после пережитого на родине землетрясения, поскольку наша империя их империи способна легко и беззаботно оказать такую вот спонсорскую помощь. Или можно с имперским же размахом участвовать в музыкальном «Славянском базаре», который, кстати, есть наиотчетливейшая демонстрация общеславянской тоски по большой и нарядной империи. Причём китайские дети и славянские песни идут по всем каналам, во всех новостях.

Впрочем, другие имперские вести и сюжеты размножены – так или иначе, с небольшими и несущественными вариациями – тоже по всем без исключения каналам (разве что рекламный, 22-й канал остаётся в стороне).

Судя по тому, что и как показывает российское телевидение, будь то наполненный мотивами местного, сугубо московского патриотизма канал ТВЦ или один из крупнейших – при этом формально вовсе не государственных – канал НТВ вплоть до весьма насыщенного соответствующими настроениями «Спорта», империя – это хорошо. Это полезно и приятно.

Империя – это не только «наше всё». Империю ценят, и в ней удобно располагаются многие люди и страны. Одна из лучших имперских картинок предстала на этой неделе в её американской версии. Пока наши телеканалы натужно варьировали историю про графа Монте-Кристо, причём и в прежней версии, названной «Графом Крестовским», и в новой, сюжетно беспомощной, претенциозной и актёрски малоинтересной (однако Первым каналом энергично проанонсированной), под названием «Монтекристо»; пока они показывали ужастики про беглого военкома и рожающую под руководством шаманки в её вигваме любительницу стрельбы из лука (сериал «Ненависть»), в ночном эфире вольготно располагался американский обладатель крупнейшей премии про их империю, только в её семейном варианте. «Грязные

же просто живёт (другой герой теленедели, юбиляр Кикабидзе, по-прежнему живёт именно в империи: Грузия – место быта, Россия – место творчества). И актриса империи не обязательно защитница или типичная представительница. Впрочем, когда-то – актриса самого «диссидентского» театра (театра на Таганке) – пожилая и эпически-величественная Демидова достойно, даже с пафосом рассказывая в программе, посвящённой российской истории, об императрице Марии Фёдоровне, о её любви, о её венценосном муже Александре III (какой там «комод-бегемот-идиот» из нахального, еще в империи сложенного стишка!), создаёт ощущение спокойного величия и, если угодно, вечности.

Империя многообразно была представлена в телеобъективе. Не обсуждая суть оценок истории и её поворотов, скажу: мы могли видеть сами эти повороты, связанные с годовой расстрелом семьи последнего русского царя. Мы могли видеть весело-рассеян-

ную улыбку ровесника этого расстрела, противника мировой колониальной империи – темнокожего Н. Манделы, которого мило и трогательно поздравляли с тем, что он выжил во всех своих жизненных коллизиях. Телевидение покричало и неожиданно «заткнулось» о проекте «Имя – Россия»: отбор знаковых имён привёл к тому, что первым оказалось убийственное в нескольких смыслах имя Сталина, вторым – имя Высоцкого, третьим – имя Ленина...

В альтернативном опросе на радио «Эхо Москвы» начал было побеждать Пушкин, а на ТВ вдруг, именно в неделю поминовения, всех опередил Николай II. Ну да, знаем мы все эти рейтинги и зрительские голосования! Тем не менее все имена – это имена не просто России, да и не России, а другой в общем-то страны, – а имена империи; даже имя Пушкина, поскольку он был именно поэтом империи.

Итак, если есть империя, у неё должен быть поэт, который ей противостоит. Или она ему позволяет противостоять. И этим противостоянием он её прославляет. Такой поэт был у «советской» империи, остался он и у современной России – во всех своих пёстрых рубашечках, со всеми своими совершенно правдивыми воспоминаниями о всплесках эмоций и ссорах с начальниками. Наш, если угодно, Мюнхгаузен, наш несыгранный Сирано де Бержерак (в кино уже были отсняты, но потом «смыты» куски фильма Рязанова), наш неизгнанный Бродский и наш неубитый Мандельштам. Наш юбилейный, громогласный, сухопарый, забавный и чудесно сохранившийся в биологическом и социальном смыслах Евтушенко. И ведь так сладко вспоминать гонения и притеснения. А ведь они в империи были. И они же по-имперски немотиви-

Судя по тому, что и как показывает российское телевидение, будь то наполненный мотивами местного, сугубо московского патриотизма канал ТВЦ или один из крупнейших – при этом формально вовсе не государственных – канал НТВ вплоть до весьма насыщенного соответствующими настроениями «Спорта», империя – это хорошо. Это полезно и приятно.

но, например, принять китайских детей в приморском лагере; дети будут там отдыхать после пережитого на родине землетрясения, поскольку наша империя их империи способна легко и беззаботно оказать такую вот спонсорскую помощь. Или можно с имперским же размахом по-

участвовать в музыкальном «Славянском базаре», который, кстати, есть наиотчетливейшая демонстрация общеславянской тоски по большой и нарядной империи. Причём китайские дети и славянские песни идут по всем каналам, во всех новостях.

Впрочем, другие имперские вести и сюжеты размножены – так или иначе, с небольшими и несущественными вариациями – тоже по всем без исключения каналам (разве что рекламный, 22-й канал остаётся в стороне).

Судя по тому, что и как показывает российское телевидение, будь то наполненный мотивами местного, сугубо московского патриотизма канал ТВЦ или один из крупнейших – при этом формально вовсе не государственных – канал НТВ вплоть до весьма насыщенного соответствующими настроениями «Спорта», империя – это хорошо. Это полезно и приятно.

Империя – это не только «наше всё». Империю ценят, и в ней удобно располагаться многие люди и страны. Одна из лучших имперских картинок предстала на этой неделе в её американской версии. Пока наши телеканалы натужно варьировали историю про графа Монте-Кристо, причём и в прежней версии, названной «Графом Крестовским», и в новой, сюжетно беспомощной, претенциозной и актёрски малоинтересной (однако Первым каналом энергично проанонсированной), под названием «Монтекрристо»; пока они показывали ужастики про беглого военкома и рожавшую под руководством шаманки в её вигваме любительницу стрельбы из лука (сериал «Ненависть»), в ночном эфире вольготно расположился американский обладатель крупнейшей премии про их империю, только в её семейном варианте, «Грязные мокрые деньги».

Правда, там можно было встретиться не с «империей зла», не с богатой и сильной страной, а с империей семейной, которая перипетиями своей жизни напомнила традиции европейского романа. Неспешное повествование, детали и нюансы, ситуации и эмоции, вполне обычные, но всегда, если неплохи актеры, если никто никуда не торопится (ни за премией, ни за получением рекламного времени), интересные. Поэтому после или вместо имперских новостей люди этого обычного сериала про обычную семейную империю имеют право на внимание и в следующую неделю.

И все же наша империя – это империя особая. Такой империи можно противостоять, её можно критиковать, в ней есть где разбежаться – благо позволяют расстояния. С нею не стыдно спорить, не стыдно быть ею обиженным или наказанным – так выглядят взаимоотношения с нею людей на телеэкране. Тогда и теленок, как у Солженицына, бодается с дубом, мощным и почти что страшным, а не с какой-то ивой плакучей; и слово «диссидент» напоминает о другой как минимум тоже мощной империи, в которой, как у Бродского, лучше жить у отдалённого моря.

Поэт империи – вовсе не обязательно тот, кто её воспел (хотя у одного из героев теленедели, юбиляра Евтушенко, была, например, всем памятная «Братская ГЭС»). И певец империи – это тот, кто в ней да-

Судя по тому, что и как показывает российское телевидение, будь то наполненный мотивами местного, сугубо московского патриотизма канал ТВЦ или один из крупнейших – при этом формально вовсе не государственных – канал НТВ вплоть до весьма насыщенного соответствующими настроениями «Спорта», империя – это хорошо. Это полезно и приятно.

Империя многообразно была представлена в телеобъективе. Не обсуждая суть оценок истории и её поворотов, скажу: мы могли видеть сами эти повороты, связанные с годовой расстрелом семьи последнего русского царя. Мы могли видеть весело-рассеян-

ную улыбку ровесника этого расстрела, противника мировой колониальной империи – темнокожего Н. Манделы, которого мило и трогательно поздравляли с тем, что он выжил во всех своих жизненных коллизиях. Телевидение покричало и неожиданно «заткнулось» о проекте «Имя – Россия»: отбор знаковых имён привёл к тому, что первым оказалось убийственное в нескольких смыслах имя Сталина, вторым – имя Высоцкого, третьим – имя Ленина...

В альтернативном опросе на радио «Эхо Москвы» начал было побеждать Пушкин, а на ТВ вдруг, именно в неделю поминовения, всех опередил Николай II. Ну да, знаем мы все эти рейтинги и зрительские голосования! Тем не менее все имена – это имена не просто России, да и не России, а другой в общем-то страны, – а имена империи; даже имя Пушкина, поскольку он был именно поэтом империи.

Итак, если есть империя, у неё должен быть поэт, который ей противостоит. Или она ему позволяет противостоять. И этим противостоянием он её прославляет. Такой поэт был у «советской» империи, остался он и у современной России – во всех своих пёстрых рубашечках, со всеми своими совершенно правдивыми воспоминаниями о всплесках эмоций и ссорах с начальниками. Наш, если угодно, Мюнхгаузен, наш несыгранный Сирано де Бержерак (в кино уже были отсняты, но потом «смыты» куски фильма Рязанова), наш неизгнанный Бродский и наш неубитый Мандельштам. Наш юбилейный, громогласный, сухопарый, забавный и чудесно сохранный в биологическом и социальном смыслах Евтушенко. И ведь так сладко вспоминать гонения и притеснения, а ведь они в империи были. И они же по-имперски немотивированно, со щедрыми последующими наградами отменялись.

О чём поведал не только тощий Дон Кихот – Евтушенко, но так и не похудевший Санчо Панса – Герман, режиссёр вечного запрещающихся фильмов, на смену которым так и не пришли, поскольку он так и не научился делать новые, никем уже не запрещаемые, но почему-то не снимаемые, не востребованные за пределами старой, ненавистой империи кинофильмы.

И над всеми этими эфемерными и реальными имперскими реалиями и воспоминаниями к концу недели воспарил очаровательная щербатая улыбка «Бубы» Кикабидзе. Его наивные, нежные, романтические и всегда уместные при всей их нелепости персонажи из «Мимино», «Не горюй!», «Мелодий Верийского квартала», из его домашних посиделок и любовных признаний друзьям. И пение его не пение, и актерская работа его не актерская... А вот поди же – в империи так ценятся неконфликтные, милые любимцы женщин и заказчиков, немного странные и никому в общем-то не мешающие, то ли шуты, то ли рыцари.

Правду, наверное, подсказала прошедшая неделя (если простится перефразированная строчка антиимперского нобелевского лауреата): «если довелось в империи родиться»... то смотрите фильмы с Кикабидзе.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.